

Дашкова Софья Владимировна, Карчагин Евгений Владимирович

ИДЕЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ТЕРРОРИЗМЕ

В статье рассматривается идея справедливости в контексте террористической деятельности. Выделяются три параметра, определяющие взаимосвязи между терроризмом и справедливостью: каузальный, аксиологический и телеологический. Идея справедливости рассматривается как причина, ценностное и целевое обоснование террористической деятельности. По мнению авторов, в современном терроризме риторика борьбы за справедливость служит прикрытием для осуществления других целей.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/8-1/14.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 8 (34): в 2-х ч. Ч. I. С. 70-74. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 316.485.25

Философские науки

В статье рассматривается идея справедливости в контексте террористической деятельности. Выделяются три параметра, определяющие взаимосвязи между терроризмом и справедливостью: каузальный, аксиологический и телеологический. Идея справедливости рассматривается как причина, ценностное и целевое обоснование террористической деятельности. По мнению авторов, в современном терроризме риторика борьбы за справедливость служит прикрытием для осуществления других целей.

Ключевые слова и фразы: справедливость; терроризм; современный терроризм; насилие; свобода.

Дашкова Софья Владимировна, к. филос. н.

Карчагин Евгений Владимирович, к. филос. н.

Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет

sofjadashkova@rambler.ru; evgenkar@yandex.ru

ИДЕЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ТЕРРОРИЗМЕ[©]

В конце XX века наряду с другими опасностями, человечество оказалось перед лицом террористической угрозы, беспрецедентной по масштабам и формам. Впервые в истории терроризм сравнился по степени опасности с военной, экологической, демографической и другими глобальными проблемами современности. Террористические акты, принимающие в некоторых регионах мира массовый характер, могут перерасти в военные конфликты и способны стать не только их детонатором, но и причиной глобальных катастроф. Возрастающий деструктивный потенциал терроризма позволяет рассматривать это явление как едва ли не основную угрозу всему человечеству в XXI веке.

Борьба с терроризмом рассматривается как одна из важнейших задач, от эффективности решения которой зависит национальная безопасность, стабильность общества и государства. Однако использование риторики справедливости в террористическом дискурсе приводит к появлению двойственных оценок в его определении, что осложняет организацию эффективного антитеррора. Анализ мотивации террористической деятельности, нравственная оценка возможных вариантов оправдания террористами тех или иных своих действий представляет как теоретический, так и практический интерес.

Принимая во внимание мощный потенциал идеи справедливости в возможностях оправдывающего обоснования в разнообразных областях человеческой деятельности, нам представляется необходимым рассмотреть внутренние механизмы подобного оправдания в области терроризма. Взаимосвязь между справедливостью и терроризмом имеет довольно сложный характер, обозначенный прямой и косвенной взаимозависимостью. На наш взгляд, можно выделить несколько параметров, определяющих взаимосвязи между терроризмом и справедливостью.

В качестве первого параметра можно назвать *каузальный*, который фиксирует наличие причинно-следственных связей. Терроризм – явление многоликое и поликаузальное, в основе которого лежит целый комплекс причин, социальных противоречий. Анализ выяснения причин возникновения терроризма и условий его распространения имеет большое значение. Борьба с терроризмом тяжела, высокочувствительна и малоэффективна. Она носит не активный, а реактивный характер. Поэтому, как считают многие исследователи, бороться с терроризмом бесполезно, намного продуктивнее профилактически устранять его причины «Тот, кто не хочет ликвидировать причины, объективно порождающие терроризм, – считает С. И. Илларионов, – неизбежно обречен на безуспешную и безнадежную борьбу с его последствиями» [4, с. 569].

Каузальный параметр фиксирует несправедливость в качестве одной из причин терроризма. Терроризм в этом контексте можно определить как крайнюю форму социального протеста против несправедливости. В основании каждого террористического акта как протеста лежит чувство возмущения и обиды в отношении того, как обеспечиваются для той или иной группы людей конкретные национальные, правовые, экономические и другие права.

Социальные корни терроризма связаны с социальным неравенством, которое складывается в разных сферах общественного бытия – политической, экономической, межнациональной, межличностной. Там, где это неравенство обозначается, возникают и острые чувства несправедливости, неудовлетворённости, недовольства и сопротивление определённых индивидов и групп, которые не могут найти иных способов выражения и защиты своих интересов, кроме как насильственных.

Терроризм представляет собой предельный случай обострения социальных противоречий, выражающийся в столкновении различных социальных общностей – классов, наций, социальных групп, институтов, государств и т.п., обусловленный противоположностью или существенным различием их интенций, установок, интересов, целей, ценностей, тенденций развития. Это конфликт, противостояние имущих и неимущих; привилегированных и дискриминированных обществ; традиционной и постмодернистской цивилизации; цивилизации и варварства.

Исполнители терактов в основном рекрутируются из социальной среды, которая в особенной степени ощущает негативное влияние социального неравенства. В связи с этим опасность расширения агентов терроризма

в условиях нарастания глобальных проблем нельзя преуменьшать. З. Бжезинский подчёркивает: «Эта опасность, вероятно, будет усиливаться перспективой всё более ухудшающихся условий человеческого существования. В частности, в бедных странах мира демографический взрыв и одновременная урбанизация населения приводит не только к быстрому росту числа нищих, но и к появлению, главным образом, миллионов безработных и всё более недовольных молодых людей, уровень разочарования которых растёт внушительными темпами. Современные средства связи увеличивают разрыв между ними и традиционной властью и в то же время всё в большей степени формируют в их сознании чувство царящей в мире несправедливости, что вызывает у них возмущение, и поэтому они наиболее восприимчивы к идеям экстремизма и легко попадают в ряды экстремистов» [1, с. 232].

Безусловно, полная ликвидация социально-экономического неравенства – это утопия, связанная с нереализуемой идеей социальной однородности. Тем не менее, создание и расширение так называемого среднего класса в цивилизованных странах считается реальным гарантом стабильности существующего государственного устройства. В масштабах отдельного государства это означает наличие такой общегосударственной политики доходов, которая позволила бы ликвидировать совсем обездоленные слои населения, а также определить контроль над хотя бы относительно справедливым распределением социальных благ – так, чтобы в обществе не накапливалось психологическое ощущение слишком явного неравенства, которое нельзя преодолеть иначе, чем радикальными насильственными средствами.

Анализ причин и условий распространения терроризма показывает, что современный терроризм – не самодостаточное и самопроизвольное явление, а следствие определенных обстоятельств, диктующих свою логику развития. Появляется осознание того, что терроризм – это ответная реакция, «зеркало» общества, а не какая-то демоническая сила, которая обрушилась на него откуда-то извне. Так, например, Л. М. Дробужева и Э. А. Паин отмечают: «...терроризм нельзя сравнивать с вирусом, который человечество откуда-то подхватило. Это его внутренний недуг, порождаемый главным образом дисгармоничным развитием в социальной, политической и культурной областях» [3, с. 50].

Признавая научную значимость проблемы актуализации условий, предпосылок терроризма, объясняющих его существование как социального явления, мы, тем не менее, считаем, что невозможно объяснить все многообразие типов и проявлений терроризма в рамках упрощенной, однозначной схемы внешней детерминации. Допущение зависимости терроризма от внешних факторов предполагает возможность предупреждения терроризма посредством изменения факторов среды. Так, например, У. Лаквер пишет: «Будут иметь место политическая и социальная справедливость, исчезнет и терроризм» [8, р. 5]. Однако при таком взгляде на терроризм элиминируется субъект, обладающий свободной волей и способностью намеренно совершать действия.

Соответственно второй базовый параметр, связывающий терроризм и справедливость, – *аксиологический*, поскольку справедливость может пониматься не только как внешнее объективное положение вещей, но и субъективное ценностное отношение к внешней реальности, и ценностное оправдание своей деятельности. В качестве действующей причины террористических действий нужно рассматривать субъекта, способного к самоопределению и свободному целеполаганию.

Когда мы пытаемся понять, что представляет собой любая деятельность для группы людей или конкретного человека, то ответить на этот вопрос приходится через указание на то, ради чего она совершается, что её побуждает.

Масштаб совершаемого террористами насилия поразителен, выглядит внешне иррациональным и, безусловно, является социально и морально нелегитимным. Тем не менее, у терроризма есть собственная ценностная легитимизация, т.е. «оправдательное объяснение» или «объяснительное оправдание».

В разные исторические эпохи терроризм имел свои особые функции и специфические особенности, смысл и назначение. Тем не менее, следует отметить, что всегда на первый план выступало стремление людей к борьбе за достижение свободы и справедливости. Свобода, как отмечал А. Камю, – это слово, которое начертано на любом революционном флаге, а в сознании повстанцев всегда отождествляется с понятием «справедливость». Ради достижения справедливости люди жертвуют своим благополучием и даже самой жизнью. Русские народовольцы цитировали слова Сен-Жюста о том, что каждый человек имеет право убить деспота, и народ не может отнять этого права ни у одного из своих граждан. М. Робеспьер твёрдо верил, что «террор есть не что иное, как быстрая, строгая, непреклонная справедливость: следовательно, он является проявлением добродетели, он – не столько особый принцип, сколько вывод из общего принципа демократии, применяемого отечеством в крайней нужде» [6, с. 210]. С конца XVIII в. и в течение двух третей XIX в. понятие террор воспринималось в самом широком и нерасчлененном смысле в соответствии с его этимологией. Этим словом обозначались и открыто насильственная форма диктатуры, и практика политических покушений. Существенным является тот факт, что насилие признается допустимым только в условиях деспотизма.

Терроризм глазами террористов – это ответная реакция на насилие как посягательство на свободу человеческой воли со стороны власти. Пытаясь подыскать оправдание терроризму как злу с позиции какой-то высшей правды, Ж. Бодрийяр предполагает, что терроризм, как вторичное, вызывающее реакцию насилие, «защищает нас от эпидемии согласия, от политической лейкемии и упадка, которые продолжают углубляться, а также от невидимого, но очевидного влияния государства» [2, с. 98]. Террористы демонстрируют, что государство не в состоянии защитить всех граждан, обеспечить им возможность законного, равного, одинакового для всех свода правил для регулирования взаимоотношений.

Специфика насилия в терроризме заключается в том, что оно всегда идеологически обосновывается и оправдывается как средство для достижения той или иной благой цели. В качестве этой цели может выступать благо народа, нации или класса. Оправдывая терроризм как необходимое действие, его сторонники

пытаются доказать, что акт насилия не является преступным, когда он осуществляется в противовес силе государства или иной внешней и внутренней силе, ущемляющей свободу. Таким образом, идея восстановления справедливости является основанием и оправданием терроризма с точки зрения его субъектов.

Оправдывая насилие идеей справедливости, террористы требуют признания своих действий обществом. В связи с этим одной из особенностей насилия в терроризме является его контрлегитимность. Обычное, преступное насилие лежит полностью вне правового поля, является нелегитимным и в качестве такового обществом пресекается. Феномен терроризма как общественного явления состоит в том, что террор выходит за рамки оппозиции «нелегитимное насилие – легитимное насилие», разрушает эту оппозицию, осуществляя контрлегитимное насилие, направленное на разрушение правового поля. Это насилие, которое направлено не столько против частных лиц, сколько против общества и государства в целом, но при этом, как ни парадоксально, требующее от становящегося жертвой общества признания справедливости действий насильника, их «легитимизации» путем выполнения государственной властью тех или иных требований террориста. Именно в этой контрлегитимной логике действовали народолюбцы и эсеры в России XIX – начала XX в., осуществляя «параллельное правосудие», и действуют большинство наиболее влиятельных международных террористических организаций типа «Хамас», ЭТА, ИРА.

Формирование образа врага несет оправдательную оценку для «своих» и обосновывает справедливость применения насилия над «чужими». Терроризм, как правило, ясно обозначает врага, ответственного за переживаемые народом трудности, и намечает путь их преодоления – «священную войну» во имя утверждения истинных ценностей. Как только враг определен, какой-либо нравственный самоупрек исчезает, поскольку необходимо уничтожить, пусть и весьма жестоким образом, этого ненавистного противника, ответственного за все беды. В связи с этим следует отметить, что в терроризме мифы играют большую роль. Это могут быть мифы о Мировом Зле и метафизическом возмездии ему, об Избранных, Святом Воинстве, призванном исполнить свой Священный Долг (освободить народ и т.п.).

Парадоксальная сущность терроризма состоит в том, что его субъекты в отстаивании своей свободы и справедливости (как высшей ценности, идеала, свободы духа, естественного права человека, независимости), применяя насилие по отношению к тем, кого они считают своими врагами, тем самым не только отрицают их свободу, но и утрачивают свою собственную. Подлинная свобода и насилие как противоположности не только переходят друг в друга, но и отрицают друг друга.

Это особенно показательно, если различать идеологов (субъектов), то есть тех, кто провозглашает лозунги, призывающие к борьбе, или создаёт морально-доктринальную аргументацию, и исполнителей (агентов) террористических актов. Как уже было отмечено ранее, исполнители терактов в основном рекрутируются из бедной и малограмотной социальной среды. Возмущением людей пользуются лидеры террористических организаций, призывающие применять насилие во имя восстановления справедливости. Таким образом, идея справедливости становится средством манипуляции сознанием этих людей, которым нечего терять и которые, совершая террористическое действие, часто совершенно несвободны в своем выборе.

Итак, третий параметр связи справедливости и терроризма носит *телеологический* характер, поскольку в терроризме справедливость часто выступает в качестве цели, а террористические действия используются в качестве средства.

Террористы пытаются представить свою деятельность как особый вид войны – справедливой. С этой точки зрения террористическая деятельность не легитимна, но будто бы оправдана идеей справедливости. Однако то, что делегитимизирует и дискредитирует терроризм в отношении его обоснования с точки зрения справедливости – это стратегия восстановления справедливости. С каким бы правым делом ни выступали террористы, и за какие бы добрые намерения они не прятались, способ реализации их на практике не позволяет отнести их к таковым. Об этом свидетельствует, к примеру, нарушение принципа различия, согласно которому гражданское население не может быть специальным объектом нападения. Именно тот факт, что жертвами терроризма становятся невинные люди, не позволяет его оправдывать не только с правовых, но и нравственных позиций.

Особенностью современного терроризма является его слепой (массовый) характер, проявляющийся в выборе объектов. Непосредственным объектом, жертвой терроризма является общество. Те или иные люди, становящиеся жертвами теракта, становятся таковыми не в качестве отдельных лиц, а в качестве членов общества, личность которых не имеет значения для террориста. В результате теракта в Будённовске 14 июня 1995 года было убито 129 мирных жителей, 415 – ранено. Полторы тысячи человек было захвачено в заложники. Это человеческое измерение терроризма. В результате теракта было расстреляно 198 автомашин, 107 частных и 57 государственных домов. Общий экономический ущерб от теракта составил 95 миллиардов 619 миллионов рублей. Несправедливость, против которой выступают террористы, в этом случае возвращается к тем нищим и обездоленным, интересы которых, как они считали, отстаивают, сокращением денежных средств на ликвидацию голода, неграмотности, болезней. Здесь выигравших нет.

Размежевание идеологии и морали в практике теоретического обоснования терроризма приводит к возможности оправдания любых чудовищных акций и действий социального характера. Как отмечает А. Камю, любое моральное оправдание применения силы в случае несогласованности общественных и индивидуальных интересов (даже если оно предусматривает защиту благородных идеалов) неминуемо оборачивается несправедливостью и насилием. «Требование справедливости превращается в несправедливость, если оно не основывается, прежде всего, на этическом оправдании справедливости. В противном случае и преступление в один прекрасный день может стать долгом» [5, с. 281].

Для достижения справедливой цели используется старая формула, гласящая, что «цель оправдывает средства». Но если для достижения цели используются аморальные и антигуманные средства, то чем становится сама цель? Такая цель со всей определенностью сама девальвируется.

В этом смысле специфические особенности современного терроризма позволяют говорить не просто об отличии нынешней фазы развития терроризма от предыдущей, но и принципиально ином, абсолютно новом его качестве. Идея справедливости как высшей ценности и цели постепенно выхолащивается и становится лишь прикрытием и средством манипуляции сознания. Современные террористы, позиционируя себя как борцов за свободу, повстанцев, солдат, партизан, бойцов сопротивления, сепаратистов, скрывают свои истинные мотивы и цели. Идея справедливости в современном терроризме перестает быть реальным основанием и являться реальным содержанием, смыслом террористического действия, а становится мнимой причиной, выступающей лишь прикрытием осуществляемого на практике насилия, целью которого является достижение в первую очередь господства и власти. В этом случае насилие в терроризме имеет совершенно другой, отличный от первоначального, смысл, а именно – власть насилия вместо сопротивления насилию. Насилие становится средством для осуществления власти, навязывания своей воли Другому, а господство власти, в свою очередь, из цели превращается в средство реализации субъективной воли агентов терроризма.

Рассматривая эволюцию терроризма в контексте идеи свободы и связанным с ней насилием, можно сделать вывод, что постепенно свобода из высшей ценности и «общего дела», разумной воли субъектов превратилась в иррациональную, разрушительную силу. Её содержанием становится субъективный произвол-воля, не признающий нравственных границ («все дозволено») и утверждающийся как своеволие в форме насилия. Насилие в связи с этим не изменяет свое смысловое (первичное) значение и превращается в насилие властвующей субъективной воли, не признающей свободы Другого, попирающей все границы политических, юридических и нравственных норм. Свобода в выборе ближайших целей, средств, объектов – жертв предполагает возможность произвола и превращения ее в самочинную волю, в присвоение права распоряжаться не только собственной жизнью, но и чужой. В этом отношении абсолютная свобода выступает как насмешка над справедливостью.

Идея справедливости как высшей ценности в современном терроризме становится лишь формальным прикрытием действительных мотивов (стремление испытать власть над людьми, жажда мести, нарциссизм, ущербность, жажда наживы и т.д.) совершаемых насильственных актов. Таким образом, постепенно происходит инверсия генетического движения морального сознания, которое в истории человечества начинало всякое движение против несправедливости.

Как отмечает Б. Хоффман, «ранние активисты прямо высказывали свои идеи и не прятались за семантическими баррикадами более достойных названий – «борец за свободу» или «городской партизан»» [7, с. 27]. Например, народовольцы и члены движения анархистов в XIX веке открыто и уверенно объявили себя террористами, а свою тактику терроризмом. Однако подобная прямота со временем исчезла. Террористическая группа, существовавшая в 1940-х г. и более известная под названием «Группа Штерна», избравшая в качестве названия «Борцы за свободу Израиля», считается одной из последних террористических организаций, публично заявлявших, что является таковой. В последние десятилетия стала закономерностью склонность к извилистым семантическим изыскам с целью отхода от негативного подтекста «терроризм». Об этом свидетельствуют, например, названия современных террористических организаций: движение испанских басков «За родину и свободу», «Отечество басков и свобода» (ЭТА), Национальный освободительный фронт, Народный фронт освобождения Палестины (НФОП), Пятый батальон армии свободы, Организация защиты свободного народа, Организация угнетенных людей Земли, Армянская секретная освободительная армия (АСОА) и др. Эти примеры указывают на то, что террористы не видят или не считают себя теми, кем являются.

В заключение отметим, терроризм – в своей сущности крайне разрушительная и нелегитимная форма социального протеста против складывающейся в мире глобальной системы распределения власти, богатства и благосостояния, социальных и политических ролей, системы, которая, тем не менее, вполне оправданно воспринимается многими как несправедливая и нуждающаяся в радикальной перестройке. Таким образом, зачастую имея в качестве одной из причин своего появления действительную социальную несправедливость, терроризм обнаруживает неспособность предложить достойного гуманистического обоснования своих средств, которые не только не могут привести к восстановлению справедливости, но, скорее, порождают новые формы несправедливости.

Список литературы

1. **Бжезинский З.** Великая шахматная доска. Господство Америки и его внешнеполитические императивы. М.: Междунар. отношения, 1999. 256 с.
2. **Бодрийяр Ж.** Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2000. 387 с.
3. **Дробижина Л. М., Панин Э. А.** Социальные предпосылки распространения экстремизма и терроризма // Социальные и психологические проблемы борьбы с международным терроризмом / РАН; Общественно-консультативный совет по проблемам борьбы с междунар. терроризмом; сост. Л. В. Брятова. М.: Наука, 2002. С. 39-59.
4. **Илларионов С. И.** Террор и антитеррор в современном мироустройстве. М.: РИЦ «ПрофЭко», 2003. 592 с.
5. **Камю А.** Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство / пер. с фр. М.: Политиздат, 1990. 415 с.
6. **Робеспьер М.** Революционная законность и правосудие: статьи и речи. М., 1959. 279 с.
7. **Хоффман Б.** Терроризм – взгляд изнутри. М.: Ультра. Культура, 2003. 264 с.
8. **Laqueur W.** Terrorism. L.: Weidenfeld and Nicolson, 1977. 277 p.

IDEA OF JUSTICE IN TERRORISM

Dashkova Sof'ya Vladimirovna, Ph. D. in Philosophy
Karchagin Evgenii Vladimirovich, Ph. D. in Philosophy
Volgograd State University of Architecture and Civil Engineering
sofjadashkova@rambler.ru; evgenkar@yandex.ru

The authors discuss the idea of justice in the context of terrorist activity, reveal three parameters that determine the interrelation between terrorism and justice: causal, axiological and teleological, consider the idea of justice as the reason, value and specific-purpose substantiation of terrorist activity, and conclude that the rhetoric of struggle for justice is a front for other purposes in modern terrorism.

Key words and phrases: justice; terrorism; modern terrorism; violence; freedom.

УДК 008

Культурология

В исследовании предпринята попытка комплексного изучения образа Вятки в сознании ссыльных поляков, а также знаковых мест и личностей, оказавших влияние на формирование знакового ландшафта и городской эстетики. Источники и культурные феномены, связанные с польской ссылкой в Вятскую губернию, ещё не становились предметом изучения с этой точки зрения. Автор делает вывод о том, что и ссыльные, и оказавшиеся в Вятке по долгу службы поляки стали частью культурной памяти, наполнили культурный ландшафт образами, воплощёнными в художественных формах, которые до сих пор определяют неповторимый стиль города.

Ключевые слова и фразы: польская ссылка; город; провинция; знаковый ландшафт.

Десяткова Ольга Владимировна, к. культурологии, доцент
Вятский государственный университет
olgadesatkova@yandex.ru

МЕТАГЕОГРАФИЧЕСКИЕ СМЫСЛЫ ВЯТСКО-ПОЛЬСКОГО ТЕКСТА[©]

Исследование выполнено по гранту Президента РФ для поддержки молодых российских учёных и научных школ.

История русско-польских отношений полна противоречий. Начиная с XVIII века, в отдалённые губернии Российской империи поляки прибывали как по собственному желанию в поисках места службы, так и в ссылку. XIX век стал наиболее трагичным для поляков, отстаивавших независимость своей страны. В Вятскую губернию были сосланы более трехсот участников польского восстания 1830 г., а после восстания 1863 г. началась массовая ссылка в Сибирь и другие губернии империи. Исследователи не раз обращали внимание на вклад поляков в общественное развитие этих регионов. Несмотря на множество запретов, ссыльные способствовали развитию предпринимательства, сельского хозяйства и культуры, оказав влияние на сознание местной интеллигенции. Известно, к примеру, что сосланные в Вятку А. Красовский, виленский архиепископ, поэт, филолог А. Красинский и художник Э. Андриолли повлияли на творческое становление личности знаменитого русского художника Виктора Васнецова. А. Красинский участвовал в благотворительной лотерее, где разыгрывались произведения В. Васнецова, необходимые для обучения прославленного впоследствии живописца в Петербургской академии художеств.

Сосланные в отдалённые губернии поляки оказались в чужих землях, в окружении непохожих на них людей. Они осмысливали пространство своей ссылки, продуцируя его образы, формируя польский текст в культурном ландшафте российской провинции. Профессор В. Сливовская пишет: «...они создавали миф Сибири с его символом – трудящимся в рудниках, прикованным к тачке каторжником...» [15]. Таким образом, постижение знакового ландшафта России невозможно без изучения метагеографических смыслов польского текста. Географический образ, по словам теоретика гуманитарной географии Д. Замятина, есть система взаимосвязанных и взаимодействующих знаков, символов, архетипов и стереотипов, ярко и в то же время достаточно просто характеризующих какую-либо территорию [8, с. 29]. Источники, связанные с вятской ссылкой, ещё не становились предметом изучения с этой точки зрения. Одной из причин тому явилось ограниченное количество дошедших до нас текстов, однако обращение к ним также может внести вклад в исследование метагеографических аспектов польского текста русской культуры.

Вятская земля воспринималась как часть единого пространства, включающего в себя Сибирь, Урал, Север России. По утверждению В. Сливовской, сибирскими ссыльными считались прибывавшие в Архангельскую,